

**Типология и топология сельского расселения:
возможности и ограничения краткого
изложения¹**

**Рецензия на книгу: Быстрова Т. Ю., Мазаев Г. В. Сельское
расселение: история и типология. Екатеринбург: TATLIN,
2024. — 108 с. ISBN: 978-5-00075-362-0**

И. В. Троцук

*Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный
сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
119571 Москва, просп. Вернадского, 82.
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru*

EDN: EOISTS

Поиски оснований типологизации сельского расселения в фундаментальных и прикладных целях осложнены в российской (и не только) исследовательской традиции по крайней мере тремя обстоятельствами. Во-первых, расхождениями в трактовке понятия «тип»² (синоним вида/класса, цель или средство познания), что затрудняет определения типологии/типологизации (инструмент организации опыта, проверки гипотезы или упрощенного описания данных), а также «типологического метода/анализа» (например, в эмпирической социологии это и методологическая процедура, и особый аналитический «язык», и метаметодика³), не говоря уже о внутри- и междисциплинарных различиях в применении соответствующих статистических приемов и аналитических процедур (к повседневной реальности по А. Шюцу, к пространству свойств по П. Лазарсфельду, к аномическим стратегиям по Р. Мертону

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.
 2. Даже оставляя за скобками привычную повседневную метафоричность «типологий», которые лежат в основе устойчивых коллективных представлений и социальных стереотипизаций.
 3. См. подр. в: *Татарова Г. Г.* (2007). Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.; *Татарова Г. Г., Бабиц Н. С., Кученкова А. В.* (2023). Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. М.; *Троцук И. В.* (2024). Компендиум по типам «типологического» в социологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 24. № 3.

и т.п.). Объединяет это разнородное теоретико-методологическое поле признание, что с практической точки зрения типологии проясняют и упрощают концептуальные представления, особенно основанные на нечисловых данных, т. е. апелляция к типологии как диагностическому инструменту научного анализа позволяет «в методологическом плане решить проблему качественной однородности, а в прагматическом плане — реконструировать из данных такие группы, которые являются носителями одного и того же типа и их можно было бы интерпретировать как объект социального управления или контроля»⁴.

Во-вторых, не утихают дискуссии между сторонниками и противниками гипертрофированного типологического единства (чрезмерной схематизации), которое удобно для государственного контроля/планирования/управления, склонного к упрощенным моделям, но не отражает реальное разнообразие жизненных укладов и повседневных практик. Сторонники аргументируют свою позицию тем, что, когда в основе типологии лежит один определяющий критерий, это значительно облегчает решение практических задач, пусть и за счет чрезмерного упрощения объективных реалий (отсюда многие неудачные государственные реформы «сверху»). Противники, напротив, настаивают на применении множества взаимосвязанных критериев, чтобы обеспечить более адекватное представление о действительности, пусть и за счет потери в прагматической полезности, особенно на макроуровне управления, где «чиновничья оптика» отдает приоритет унификации принимаемых решений.

В российской научной традиции можно обнаружить множество попыток построения типологий сельского расселения с разными акцентами — на типах населенных пунктов, типах территориальных сочетаний и даже типах село-городских взаимосвязей. Например, яркий представитель противников село-типологической унификации А. Н. Челинцев еще в начале XX века подчеркивал важность сравнительного анализа для понимания стадийности развития организационных форм (типов) аграрного производства как основы регионального сельского разнообразия⁵. Отмечая необходимость учитывать одновременно экономические, материально-технологические, демографические и географические особенности сельского хозяйства, вместо того чтобы выделять типы аграрных

И. В. Троцук

Типология и то-
пология сель-
ского расселе-
ния: возможности
и ограничения
краткого изложения

4. Татарова Г. Г., Бабич Н. С., Кученкова А. В. (2023). Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. М. С. 119.
5. Челинцев А. Н. (1910). Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб.; Челинцев А. Н. (1992). Региональность как центральный вопрос сельского хозяйства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. М.

районов исключительно по природным признакам, Челинцев использовал «метод генетического районирования» — построения типологии сельских районов по критерию пребывания на одинаковой ступени сельскохозяйственной эволюции (комплексного учета историко-экономического своеобразия районов, ключевых прошлых и нынешних тенденций их развития), соответственно, для разных типов предполагалась разработка особых стратегий сельскохозяйственного развития.

В позднесоветский период Т. И. Заславская предложила типологию на основе комплекса социально-экономических показателей (проблем): с помощью функционального подхода «выделялись крупные элементы аграрного сектора (сочетание экономики и социальной сферы), требующие разных программ развития»⁶ по результатам оценки степени реализации внутренних и внешних функций (расселенческой, продовольственно-сырьевой, социально-пространственной, рекреационно-природопользовательской и демографической) объектами аграрного сектора. В результате сельские районы страны были распределены по типам согласно трем группам интегрированных показателей (демографическим, социально-расселенческим и производственным).

С. А. Ковалев, сочетая функциональный, морфологический и генетический/исторический подходы, обосновал четыре «типологические линии»⁷, совмещение которых при условии наполнения фактическим материалом позволяет отчетливо увидеть специфику каждого региона, т. е. представил интегрированную региональную типологию⁸, описывающую характерные черты сельских населенных пунктов в определенной местности. Сельские поселения при этом были разделены на сельскохозяйственные (преимущественно ориентированные на этот сектор экономической деятельности) и несельскохозяйственные⁹. Е. Е. Лейзерович разработал модель районирования территории России¹⁰, поделив ее административно-территориальные единицы на части, которые состоят из нескольких сельских административных районов (города-центры, зоны влияния крупных, средних и малых городов, территории за пределами этих зон). 423 экономических микрорайона (как сочетания территориально-хозяйственных, расселенческих и инфраструктурных микросистем) были сведены в 11 типов (резерв-

6. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / Под ред. Т. И. Заславской, И. Б. Мучника. М., 1980. С. 43.

7. Ковалев С. А. (1963). Сельское расселение (географическое исследование). М.

8. Ковалев С. А. (2003). Избранные труды. Смоленск.

9. Ковалев С. А. (1957). Об экономико-географическом положении сельских поселений и его изучении // Вопросы географии. № 41.

10. Лейзерович Е. Е. (2004). Экономические микрорайоны России. М.; Лейзерович Е. Е. (2010). Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. № 4.

ный, пионерного экономического развития, дисперсного, относительно равномерного экстенсивного, чисто или преимущественно сельскохозяйственного освоения, в том числе с заметным развитием промышленности или с преобладанием промышленности малых и средних городов, концентрация хозяйственной деятельности в больших городах при равномерном освоении территорий, крупно-городской и курортный), объединенных в три группы (курортный район не вошел ни в одну из них), и сегодня «районы Лейзеровича... могут служить элементами для сборки каких-то иных районов и зон, а равно и новой типологии»¹¹.

В-третьих, хотя официальная российская статистика разделяет городские и сельские населенные пункты по численности жителей и доле занятых в несельскохозяйственном производстве, такой дихотомический/бинарный вариант разграничения сельской и городской местности не отражает реалии сложной и многомерной системы расселения, где буквально в каждом населенном пункте можно обнаружить то или иное сочетание черт сельской и городской жизни. Так, Т. Г. Нефедова отмечала, что многие российские населенные пункты по численности жителей и внешнему виду напоминают села, но официально выполняют городские функции, и значительное число россиян (несколько десятков миллионов) проживает в полуселах-полугородах¹². Поэтому при построении типологии сельской местности необходимо учитывать и природные ресурсы, и экономико-географическое положение относительно крупных городов и транспортных магистралей, и этнокультурный фактор (количественные и качественные характеристики человеческого капитала), и институциональные условия, и развитость рыночных структур, и мозаичные территориальные кластеры¹³. Соответственно, были выделены такие типы регионов (с подтипами), как: с благоприятными природными и социально-демографическими предпосылками развития сельской местности, преимущественно с аграрной специализацией; с благоприятными социально-экономическими предпосылками развития сельской местности пригородного типа с полифункциональной сельской экономикой; с социально-демографическими ограничениями и обширными зонами депрессий; с природно-климатическими ограничениями и слабой очаговой освоенностью.

Другой вариант преодоления сельско-городской дихотомии — модель сельско-городского континуума как подвижной пространственно-протяженной градации типов населенных пунктов

11. *Каганский В.* (2007). Районирование Лейзеровича: трудный подарок социологу // Социальная реальность. № 7. С. 82.

12. *Нефедова Т. Г.* (2003). Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М. С. 20–27.

13. *Нефедова Т. Г.* (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М. С. 347–348.

(от сельской разреженности к городским сгущениям) по критериям размера, плотности населения, степени разделения труда, изолированности, солидарности и отчужденности. Первоначально эта модель была предложена в 1920-е годы П. А. Сорокиным и К. Циммерманом¹⁴, но в последние десятилетия переживает «ренессанс»¹⁵ благодаря признанию «множественности сельско-городских континуумов, различающихся по пространственным и населенческим масштабам, строению, характеру связей»¹⁶.

Столь нетипичное (длинное) для рецензий предисловие призвано объяснить, почему книга «Сельское расселение: история и типология» не могло не привлечь внимания заинтересованного в сельско-типологических изысканиях читателя и в то же время не породить у него странного ощущения обманутости. С одной стороны, вряд ли следовало питать особые надежды в отношении книги столь небольшого объема — 108 страниц, что крайне мало для монографии в принципе, не говоря уже о работе, где выдержана строгая структура научного издания — помимо основной части из четырех глав, присутствуют введение, заключение и объемная библиография (в совокупности это значительное число страниц). С другой стороны, книга в аннотации заявлена именно как научная монография (но по истории и топологии сельского расселения, хотя в названии фигурирует типология, а в тексте часто упоминаются типичные кейсы), авторы которой, «наряду с более традиционным историко-генетическим подходом используют системный и типологический методы, позволяющие увидеть способность системы сельского расселения [к чему?] и организации ее отдельных элементов, взаимосвязи сельской и городской систем расселения», с акцентом на специфике уральского сельского расселения (с. 4).

Безусловно, с учетом ограниченного объема текста взятые на себя обязательства авторы все же выполнили: в первой главе реконструирована методология изучения системы сельского расселения, исходя из трактовки «классической российской деревни» как неразрывно «связанной с ландшафтом и природными ритмами» (с. 18), обоснованы достоинства и ограничения метода классификации (с конкретными примерами классификации

14. *Sorokin P., Zimmerman C. C., Galpin C. J.* (1930). A Systematic Source Book in Rural Sociology. Minneapolis. Vol. 1; *Sorokin P. A., Zimmerman C. C.* (1929). Principles of Rural-Urban Sociology. New York.

15. См., напр.: *Marsden T. K.* (2013). Sustainable place-making for sustainability science: The contested case of agri-food and urban-rural relations // Sustainability Science. Vol. 8.

16. *Тре́йвиш А. И.* (2016). Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. Т. 3. № 1. С. 54. См. подр. в: *Троцук И. В.* (2023). Сельский человеческий капитал в концептуальной оптике: континуум и/или пост-изм? // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 2.

сельских систем расселения по разным критериям) и показаны преимущества системного подхода применительно к Свердловской области. Здесь выделены «линейные структуры различной планировочной формы, и наиболее распространены (типичны)... сформированные линейными объектами — реками и дорогами» (с. 26), «субсистемы, обладающие внутренней связностью» (с. 27), а восточный сектор Екатеринбургской агломерации рассмотрен как «наиболее сложная планировочная форма сельского расселения у крупнейших городов — центров агломераций» (с. 30). В целом те разделы книги, что описывают конкретные населенные пункты или особенности сельского расселения в Свердловской области, — ее наиболее содержательная и интересная часть, наполненная фактографическим, аналитическим и иллюстративным материалом.

Во второй главе охарактеризованы обстоятельства и проблемы российского сельского расселения на основе статистических и исторических данных, выделены две его системы и три этапа становления в нынешнем формате, отмечены особенности и региональные вариации российской урбанизации. Как и в других разделах, здесь представлена попытка охватить продолжительные исторические периоды (в контексте решения «крестьянского вопроса»), но в силу ограниченного объема книги описания получились фрагментарными. Авторы видят два типа проблем в теоретическом осмыслении и прикладном разрешении «объективных диспропорций сельского расселения»: во-первых, это ориентация большинства научных работ либо на обобщение статистических данных, либо на типологические построения в ущерб «исторически сложившейся структуре сельских поселений, диктуемой как образом жизни и ментальностью [!], так и достаточно разнящимися природно-климатическими особенностями различных территорий», т. е. отказ от комплексного анализа; во-вторых, «порой социально-экономические меры по развитию села (его экономики и финансов, социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры) не увязываются воедино с градостроительными задачами по развитию сельской системы расселения в целом... его территориальными и социальными аспектами и реалиями» (с. 36–39).

Неоднородность российской системы расселения авторы связывают и с ее историей, выделяя здесь следующие этапы (с. 44–50): первоначально доминировала сельская система расселения (как и повсеместно в мире) — природосообразная, ресурсберегающая, адаптивная, дисперсная и саморегулируемая, но постепенно становящаяся относительно автономной система городского развития изменяла и деформировала эти базовые характеристики; затем формирование городских центров определило как своеобразие, так и взаимное тяготение сельской и городской систем расселения; активная фаза промышленной революции дала старт бурной урбанизации и активному «поглощению» сельской систе-

мы расселения городской вследствие экспансии первой и обусловленной ею деградации села. В результате «при доминировании урбанизационных процессов возникают комбинации элементов двух систем»: «городская система вторгается в сельскую, пытается создать агрогорода», а «сельская система расселения закономерно, но неэффективно пытается вернуть свои территории, вторгаясь в городскую инфраструктуру» (с. 50). Неуспешность попыток государства сбалансировать эти «вторжения» авторы объясняют тем, что акцент делается на укрупнении, но оно «ведет либо к полному разрушению и практическому исчезновению сельских населенных пунктов, либо к созданию неработоспособной системы, не имеющей экономической базы для существования», поэтому настаивают на «поиске новых, более адекватных современным реалиям путей и механизмов» на основе «учета своеобразия отдельных поселений и их контекста» [скорее все же не отдельных поселений как таковых, а типов поселений в типичных контекстах сельско-городского и муниципально-регионального взаимодействия] (с. 55).

В третьей главе сопоставлены особенности сельской и городской систем расселения с учетом таких градостроительных показателей, как наличие центров и связей между ними. Различия этих двух «целостностей разного масштаба, как спонтанно сложившиеся в ходе истории, так и целенаправленно формируемые», авторы связывают, прежде всего, с разным типом сложности: со структурно планировочной точки зрения «сельская система расселения превосходит городскую по количеству элементов, ее образующих» (с. 59), причем исторически «городские планировочные системы формировались внутри сельских систем в процессе их усложнения и смены типологических планировочных элементов», т. е. «город — результат преобразования больших планировочных систем в сложные», он «состоит из разнородных типологических планировочных подсистем (квартал — микрорайон — район — планировочный район — планировочный узел)» (с. 61). Разный уровень сложности определяет и разную стратифицированность сельской и городской систем расселения — как, соответственно, высоко и низко стратифицированных: «от количества уровней в иерархии зависит количество моделей описания поведения и вариантов реализации этих моделей» (с. 61), поэтому «градостроительные модели сельской системы расселения просто не из чего строить» (с. 62).

Городская система расселения имеет больше возможностей для развития и более мобильна, что «определяет ее опережающий рост и постоянное сворачивание сельской системы» как пространственно простой, низко стратифицированной, инерционной и способной развиваться только экстенсивно, что «не создает возможностей для разработки ее обобщенных теоретических моделей, ведет к слабости и неразвитости методической базы исследований и объясняет статистический и абстрактно-типологический варианты ее из-

учения» (с. 63) [с этим сложно согласиться, даже если опираться только на библиографический список самой книги]. В то же время авторы разделяют предположение о формировании в России сельско-городских территорий с центробежным и центростремительным векторами развития (с. 63).

Завершает третью главу описание специфики расселения в российских индустриальных районах, где сельская система имеет внутренне противоречивый характер (вследствие не только урбанизационных процессов), «поэтому на нее нельзя распространять рецепты городской планировки и коммуникаций» (с. 66). В качестве примера рассмотрена сельская система расселения в Свердловской области: в написанном широкими мазками историко-статистическом очерке отмечено завершение урбанизационного перехода в конце 1980-х годов, опустошающий миграционный отток в северной части региона и ослабление каркаса системы расселения в северо-восточной, сверхконцентрация населения в Екатеринбурге в отсутствие городов второго уровня иерархии и постепенная «административная рурализация» (завышение численности сельского населения за счет административных переименований) (с. 73).

И, наконец, в четвертой главе дан прогноз развития российской системы сельского расселения и некоторые градостроительные рекомендации по ее оптимизации. По мнению авторов, одна из ключевых проблем сегодняшнего дня — квазицентры сельских поселений как фактор их деградации: «точки, которые планировочно и административно являются центральными, не выполняют функций центра» (часто в результате произвольного переноса официального центра с его исторической позиции), «объекты в этом центре частично утратили свой первоначальный смысл», «появляются более значимые для жизнедеятельности поселения точки на его периферии», что «приводит к утрате исходной целостности поселения, механически соединяющего в себе сельские и городские решения, сельский и городской образ жизни» (с. 81–82).

Говоря об оптимизации сельского расселения, авторы перечисляют применявшиеся в СССР и в постсоветский период виды планировки районов и методы организации систем расселения, отмечая, что любые попытки механического объединения «сверху» уничтожают сетевой характер сельского расселения, делая его более примитивным, что ведет к его постепенной деградации (обезлюдению и сжатию освоенного пространства). Признавая необходимость «преодоления асимметрии социально-экономического развития... и дифференциации сельских поселений», авторы полагают, что пока все принимаемые меры носят либо декларативный, либо административно-регулирующий характер, а потому ведут лишь «к пространственному сокращению расселения и депопуляции» (с. 90). Свой прогноз развития системы сельского расселения

для староосвоенных промышленных регионов авторы делают на основе предложенной Т. Г. Нефедовой модели территориальных зон сельского расселения, модифицируя ее с градостроительной точки зрения: пригород — центральные и прочие города агломерации, полупригород — ближняя зона центрального города, полупериферия — межселенное пространство первого пояса агломерации, периферия — межселенное пространство второго пояса, дальняя периферия — межселенное пространство за пределами агломерации (с. 91–92).

В книге неоднократно упоминается принципиальная гуманистическая позиция авторов, настаивающих, что ни один управленческий сценарий в сельской и аграрной сферах (в контексте обеспечения продовольственной и экологической безопасности, рационального природопользования и социальной устойчивости, сбалансированного расселения и социально-экономического равенства) не должен игнорировать «процессы на низовом уровне... заботы и нужды конкретного человека», что требует «аргументированных и неслучайных действий» и «глубинного непредвзятого анализа, учитывающего климатическую, этническую, экономическую региональную специфику во всем ее многообразии» (с. 7), в целях «поиска наиболее адекватных сегодняшнему дню шагов в сельской системе расселения с учетом разницы территорий» (с. 8). Тем более что «современное сельскохозяйственное производство [и сельская жизнь в целом] меняется... способствуя сближению города и села... укрупняется, технологизируется, использует новые инструменты (цифровизацию) и коммуникации» (с. 8). Со многими идеями авторов нельзя не согласиться, особенно когда речь заходит о государственных проектах/программах сельского развития, которые постоянно загоняют себя в тупик попытками устранить «хронические болезни» российского села посредством разных методов и вариантов территориально-административного укрупнения.

В то же время в книге встречаются и спорные утверждения, а в ее представительной библиографии указаны источники, подобные утверждения не подкрепляющие. Например, противопоставление «традиционализма и консерватизма сельского расселения и населения» [многие сельские поселения возрождаются благодаря предприимчивости местных жителей или вернувшихся/переселившихся горожан] «инновационной активности индустриальных городов» [многие находятся в упадке, особенно моногорода] (с. 8); противопоставление системы городского расселения как «гомогенного» сельскому расселению как «состоящему из большого числа отдельных локальных и зачастую не связанных между собой структур, преимущественно линейного типа» [сегодня более дифференцировано городское пространство, особенно в мегаполисах] (с. 17); «тезис о невозможности или, по крайней мере, неэффективности изучения систем сельского

расселения по аналогии с городским или исключительно в неразрывном единстве с ним (по причине исходно большей связи сельского расселения с природными компонентами, тяги к стабильности и простой организации)» [это противоречит концепции село-городского континуума] (с. 17); тезис о «слабой разработанности проблематики сельского расселения» [в последние годы опубликовано множество работ, основанных на статистических, исторических, социально-географических и социологических данных] (с. 40); неоднократные упоминания «классической российской деревни» [ее внешний облик и внутренняя структура неоднократно менялись даже при сохранении связи с ландшафтом и природными ритмами].

Отчасти эти спорные утверждения можно объяснить тем, что авторы книги — специалист в сфере дизайна и культурологии и архитектор, тогда как значительная часть научной литературы по вопросам сельского расселения написана представителями экономических, географических и социологических дисциплин. Однако некоторые особенности книги, способные несколько расстроить заинтересованного читателя, рассчитывавшего на иные содержательные акценты, скорее обусловлены не профессиональной специализацией авторов, а тем, как была «сделана» монография. В тексте неоднократно упоминается, что это «НИР», а во введении перечислены ее весьма масштабные задачи («обобщить и систематизировать методологию изучения и научные данные разных лет по закономерностям развития сельской системы расселения, попутно [!] уточняя понятийный аппарат», «показать пути приостановки деградации системы сельского расселения в России», «влияние урбанизации на систему сельского расселения, включая ее индустриальные регионы», «разработать параметры методики оптимизации сельского расселения» и т. д.), выделены шесть подходов (междисциплинарный, исторический, территориальный, типологический, динамический и региональный), заявлено использование сравнительного историко-генетического градоостроительного анализа, концепции технологических укладов, теории центральных мест и других подходов и методик в рамках «полимасштабного», иерархического и разноаспектного анализа, а на эмпирическом уровне — «сочетание картографического анализа и полевого обследования ключевых репрезентативных [можно говорить только о типичных] объектов и систем» (с. 12–14). Однако примерно восьмидесяти страниц объективно недостаточно, чтобы решить все поставленные задачи и выполнить данные обещания. Видимо, в силу каких-то серьезных причин авторы механически, без соответствующей редактуры, сократили объемный отчет по научно-исследовательской работе, превратив его в набор несколько разрозненных содержательных блоков, которые непропорциональны исходному тексту и составили предложенный читателю «реферат».

Typology and topology of rural settlement: Possibilities and limitations of a brief presentation¹⁷

Review of the book: Bystrova T.Yu., Mazaev G. V. (2024) Rural Settlement: History and Typology. Yekaterinburg: TATLIN. 108 p. ISBN: 978-5-00075-362-0

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, 119571, Moscow.
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

17. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program